

мы сегодня именуем типом рациональности. Чтобы выявить специфические особенности научной рациональности, необходимо сопоставить ее с другими типами познавательного отношения к предмету, которые в конечном счете определяются способом бытия человека в мире, характерным для культуры того или иного исторического периода.

1. Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3-13.

2. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 3-52.

3. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2000. 744 С.

4. Кизима В. В. Культурно-исторический прогресс и проблема рациональности. Киев: Наука Думка, 1985. 214 С.

5. Рациональность на перепутье. Т. 2. М.: Росспэн, 1999. 463 С.

Д. В. Телегин
Реймс, Франция

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Бросающаяся в глаза экспансия английского языка в современном мире, беспрецедентное возрастание его роли в качестве «глобального средства коммуникации» и оказываемый при этом социальный, экономический, политический и культурный двойственный эффект на те или иные сообщества, втянутые в сферу его влияния, требуют теоретического осмысления. Однако, уже сегодня становится очевидным, что в своем «глобальном» формате английский язык, функционирующий, чаще всего, в качестве средства «продвижения» материального развития и прогресса в «физическом» пространстве, одновременно выступает источником обеднения и регрессии в «ценностном» измерении. «Глобальный английский» оказывается при этом «лингвистическим двойником», источником «про-регрессии», а то и «динамического стазиса». Таким образом, возникают и концептуально оформляются две точки зрения, сразу же получающие развитие, с одной стороны, в теориях «лингвистической нейтральности» английского языка, а с другой — «лингвистического доминирования» [1].

Если бросить беглый взгляд на историю функционирования английского языка в социокультурном и политическом полях, а также, в экономической сфере на протяжении последнего столетия,

то траектория его развития обнаружит три этапа. Первый из них, продолжавшийся с начала XX столетия вплоть до 1970-х гг., связан с периодом пика колониализма, когда английский язык занимал высоты первенства. Второй, связанный с дезинтеграцией колониального мира, характеризуется напряжением между преобладанием английского языка, с одной стороны, и стремлением правительств бывших колоний к восстановлению роли национальных языков. Конец XX столетия и начало XXI века демонстрируют новый взлет влияния английского языка, ассоциируемый с распадом советского блока и процессами глобализации. Если численность говорящих на национальных языках во многих странах либо сократилось, либо осталось на прежнем уровне, то число англоговорящего населения растет в экспонентной пропорции.

Хотя существует определенное согласие по поводу того, что стремительное распространение английского языка и его принятие в качестве универсального средства коммуникации тесно связано с глобализационными процессами, внутри данной общепринятой точки зрения наблюдается существенное расхождение позиций относительно того, что играет определяющую роль — строго технические соображения или же более широкие интересы власти. Другим моментом разногласий является вопрос о том, следует ли считать последствия распространения данного процесса положительными или же негативными для ассимилирующих его сообществ, в том смысле, например, не представляет ли собой все более активное проникновение английского языка как *lingua franca* непосредственной опасности для множества иных языков, особенно для языков менее многочисленных национальных сообществ. Аффирмативная точка зрения, подчеркивающая позитивные моменты распространения английского языка, представлена в сборнике работ *Post-Imperial English* [2]. Смысл данных исследований сводится, в основном, к тому, что в условиях углубляющейся глобальной взаимозависимости, разнообразные функции, которые обычно осуществляются языком, могут выполняться лишь на основе «разделения труда» между различными языками. В то время как локальный язык остается «привязанным» к определенной группе людей и выступает для них жизненной средой, в которой данная группа продолжает существовать как сообщество с определенными традициями и идентичностью, английский язык предлагается рассматривать как отдельную, нейтральную языковую структуру, выступающую в качестве инструмента коммуникации в более широком контексте. Хотя авторами такой точки зрения признается колониальное наследие английского языка, основной акцент дела-

ется не столько на преемственности, сколько на прерывистости развития данной тенденции. Если в прошлом отношение английского к локальным языкам и имело конфликтный характер, в настоящее время оно позиционируется в значительной степени как «мирное сосуществование», поскольку различия в их статусе основываются теперь скорее на функциональной специализации, нежели на власти и авторитете. Как полагает Дж. Фишман, «в обозримом будущем глобальные тенденции мироустройства все более будут основываться на употреблении английского языка, тогда как локальная жизнь индивидов будет все более связана с национальными языками и культурами, при этом эти два отношения будут взаимно дополнять друг друга, удовлетворяя различные потребности, ассоциируемые с современной жизнью» [3].

Иная точка зрения, подчеркивающая пагубные последствия распространения английского языка в современный период, представлена в книге Р. Филиппсона *Linguistic Imperialism* (1992) и других его работах. Она сводится к тому, что язык неотделим от локальности, в которой он выступает в качестве родного языка и, тем самым, от приоритетов интересов акторов, являющихся его изначальными носителями. То есть, следуя подобной логике, современное различие в статусе английского и коренных языков представляет собой скорее отношение неравенства и подчинения, чем взаимной полезности. Р. Филиппсон, разумеется, не отрицает того, что язык должен реализовать противостоящие друг другу функции выражения идентичности и взаимопонимания. Он, однако, не согласен с утверждением о том, что такое «разделение труда» между языками наилучшим образом реализуется при параллельном функционировании языков, видя в самом факте все более обширного использования английского языка для понимания и коммуникации в широком контексте проявление систематической политики лингвистической дискриминации (*'linguicism'*), ведущей, в своем крайнем варианте, к вымиранию многих малых языков — «языковому самоубийству» (*'linguicide'*).

Касаясь вопроса об одновременном функционировании различных языков, следует обратить внимание на то обстоятельство, что само наличие нескольких или множества языков в тех или иных странах мира обусловлено демографическими, историческими и культурными причинами. Поэтому основные различия между теми или иными странами в языковом отношении проявляются в характере мультилингвизма, присущего определенной исторической и социокультурной ситуации, что требует для своего адекватного понимания учета динамики перемен в отношениях

между различными языками, а также учета направленности самих этих перемен.

Если рассматривать страну как географическую территорию, возможно представить ее как некий кластер языков, не акцентируя функциональные отношения между данными языками. Такое представление было бы, однако, предельной абстракцией, поскольку любая страна — это, прежде всего, политический союз со своими политическими границами. Более того, любая из стран — это не просто политически ограниченная территория, она объединена на основе идеи нации, определяемой характерными для нее системами ценностей, институтов и символов. Язык при этом играет, как правило, доминантную роль в определении нации. Поскольку понятие страны включает также и понятие социальной общности, то язык выступает также в качестве одного из важнейших принципов социального структурирования данной общности. Отсюда со всей очевидностью следует, что языки, сосуществующие в рамках той или иной страны, взаимодействуют друг с другом на политической и социальной основах. Различия в формах мультилингвизма между теми или иными странами, таким образом, заключаются в различиях форм и видов социальных и политических взаимосвязей между ними. Языковая политика, таким образом, это не то, что касается лишь одного языка, она предполагает, со своей стороны, учет функционального взаимодействия языков и может варьироваться: от доминирования одного языка над всей совокупностью иных языков, до уравнивания властных отношений между несколькими языками, сосуществующими параллельно [4].

Разумеется, сам по себе уровень национального государства является лишь одним из возможных уровней взаимодействия языков. В качестве иных уровней может выступать как определенное сообщество, так и отдельный индивид. При этом, структура взаимодействия на данных трех уровнях может существенно различаться. Об этом говорит тот очевидный факт, что не все языки, функционирующие в данной стране, используются всеми проживающими на ее территории сообществами, а также, что не все члены этих сообществ говорят на этих языках. Поскольку языковые потребности отдельных людей, сообществ и страны в целом далеко не всегда совпадают, естественно, что и взаимоотношения между языками, выстраиваемые на данных трех уровнях, будут различными. Языковая политика, таким образом, предполагает выбор определенного языка для осуществления той или иной социокультурной функции. Что касается мультилингвизма, очевидно, можно говорить, по крайней мере, о трех возможных его вариантах в

плане языковой политики. Это может быть политика, направленная либо на устранение ситуации многоязычия, либо на толерантное к ней отношение, либо на активную ее поддержку и последующее развитие. Три названные категории языковой политики могут быть более ясно представлены в связи с понятием сферы функционирования языка. Наиболее очевидным и значимым может быть различение общественной и личной сфер в использовании языка. Так, если для общественной сферы, к которой можно отнести образование, государственные структуры, суд, и пр., характерна тенденция языковых сообществ к конвергенции и конкуренции, то личностной сфере (семья, местный рынок и места проведения досуга) присущи в большей степени отношения согласия по поводу используемых языков (языка). Распределение языковых функций может проявиться, по меньшей мере, двумя способами. Может существовать, например, одновременно два официальных языка: это зависит от исторических и демографических обстоятельств той или иной страны. Тем не менее, гораздо более характерна функциональная дистрибуция языков независимо от регионального и стратификационного деления.

Вполне понятно, что предпочтение, оказываемое доминирующим в политическом смысле языкам, заложено в самой языковой политике, ориентированной на монолингвизм. Однако, как показывает практика, это происходит и в тех случаях, когда официальная политика направлена на распространение принципа многоязычия — это проявилось, например, в ряде пост-колониальных стран, правительство которых стремилось снизить влияние колониальных языков, в частности, английского, в общественной сфере. Такая политика столкнулась со стремлением значительной части населения сохранить роль английского языка, прежде всего, как средства преподавания для своих детей, определяемого экономическими императивами. С точки зрения местных сообществ, в политике мультикультурности и многоязычия скрывается «неявная программа» потенциальной дискриминации, в том смысле, что стремление сохранить одновременно несколько языков, например, в преподавании, способствует дальнейшей социальной дифференциации и отражает, тем самым, интерес элиты к сохранению своей монополии на владение универсальным кодом общения, обеспечивающим доступ к экономическим и политическим преимуществам. Таким образом, очевидно, что официальная языковая политика — далеко не единственный фактор, определяющий лингвистический выбор и предпочтения населения: важным критерием в том или ином языковом выборе выступает рынок как социоэкономический импера-

тив [5]. Экономические силы в формировании мополингвальных предпочтений вступают, таким образом, в очевидное противоречие с культурными предпочтениями. Наглядной иллюстрацией этому может служить распространение английского языка не только в европейских странах, но и в мировом масштабе, *de facto* становящегося *lingua franca* для населения ряда стран, особенно в институциональной и экономической сферах.

1. Lysandrou Ph., Lysandrou Y. Global English and proregression: understanding English language spread in the contemporary era. // Economy and Society. 2003. Vol. 32. No. 2. P. 207.

2. Conrad A. & Rubal-Lopez A. (Eds) Post-Imperial English. Berlin & N. Y.: De Greuter, 1996. 668 P.

3. Fishman J. A., et al., P. 640.

4. Annamalai E. Language Policy for Multilingualism // Working Papers of World Congress on Language Practices. Barcelona, 16-20 April 2002. <http://www.linguaeapax.org/congress/plenaries/annamalai.html>. P. 1.

5. Annamalai E., op. cit. P. 6.

И. В. Цветкова
Тольятти

ФЕНОМЕН ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ В ИРРАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В русской философии на рубеже XIX и XX веков усиливаются духовные искания, которые приводят к критике рационалистической философии. В рамках этой традиции свобода — это установление ограничений при обосновании их разумности, необходимости. Реализация данной модели свободы имеет большое значение в индивидуальной и социальной практике, поскольку она освобождает людей от мучительного страха перед неопределенностью, неизвестностью. Рациональная свобода призвана давать гарантии и уверенность в завтрашнем дне. Она позволяет сохранить чувство собственного достоинства, не ущемляя права других людей, не оскорбляя их чувства.

В религиозных концепциях экзистенциализма, персонализма, анализируются конфликты и противоречия, которые возникают в связи с игнорированием внутренней свободы. Философы видят основное препятствие в ее реализации в том, что она основывается на знании, поэтому подвергают сомнению значение разума, рациональности и противопоставляют им религиозную веру. Таким образом, данные концепции, борясь за внутреннее освобождение